

Паулс Раймонд
(Масажист, певец, продюсер.)

10.01.06

ЮБИЛЕЙ

— Халло.
— Раймонд Волдемарович, здравствуйте...
— Яа.
— Газета «Московский комсомолец»...
— Яа-яа. — Маэстро — сама невозмутимость. Эмоций — ноль.
— Похоже, вы совсем не удивлены звонку из Москвы.
— Что вы! У меня дочь там живет — иной день по три раза с Москвой разговариваю. Конечно, сейчас я не езжу туда так часто, как раньше. Но все равно одним глазом наблюдаю, что у вас там творится.
— И как вам?
— Последнее время мне есть над чем подумать. Насчет свежих волн шоу-бизнеса России — там довольно интересные дела происходят...
— Так вас только шоу-бизнес российский интересует?
— Нет, просто многих ваших исполнителей знаю. Я мало обращаю внимание на то, кто там женится и кто разводится, меня больше чисто творческие процессы интересуют: кто чего делает, какие новые таланты...
— Вроде все по-старому. Знакомые все лица.
— Так оно и есть. Но жаль. Очевидно, надо обращать внимание все-таки на молодое поколение, искать что-то интересное среди них. Потому что у вас, извините, появился такой стандарт, все одинаковые...
— Были у нас и «Фабрики звезд», если знаете. Первое время народ с ума сходил, а теперь всех забили —

опять лишь старая гвардия на виду: Пугачева, Киркоров, Долина...
— В том-то и дело. Конечно, Пугачева — это фигура, и она всегда будет такой. Но рядом должны быть... Мы, например, от Латвии, как вы, может быть, заметили, каждый год подбрасываем что-то интересное: ансамбль «Космос», Интарс Бусулис...
— Хотите сказать, в Латвии музыкальный рынок развивается куда быстрее, чем в России?
— Нет, наш рынок нельзя сравнивать с российским. Масштабы настолько маленькие, что его и рынком-то не назовешь. Скорее толкучка. Мы, конечно, пишем на латышском языке, но нам нужно думать о выходе: либо на Восток, либо на Запад...
— Сами-то к чему склоняетесь?
— Я всегда был за то, что надо смотреть на Восток. Нам это ближе. Советую многим нашим: если хотите занять успех, давайте пойте по-русски; тогда, очевидно, будет какой-то результат.
— Наверное, это непопулярная точка зрения среди латышей?
— Вы знаете, многие интеллигенты со мной согласны. Правые, конечно, возмущаются — стараются шуметь, особенно перед выборами. Но мое отношение к России не меняется, потому что я великолепно понимаю, как нам важны эти соседские нормальные отношения. Мы жили в одной стране, и от этого никуда не деться.
— Неужели вас греют воспоминания о братской коммуналке?
— Все знают, какой в Советском Союзе был режим и что там было плохого. Я помню все: и очень тяжелую политическую цензуру, и эту унизительную погоню за джинсами, и брешь с

Безупречный смокинг, белоснежная сорочка. Одухотворенный, чуть томный, с поволокой взгляд, длинные тонкие пальцы, седые виски. Когда этот джентльмен садился за рояль, зал замирал в ожидании чуда...
«Полюбите пианиста» — страну не пришлось просить дважды. Его «Кабаре» и «Вернисаж» утопали в «Миллионе алых роз». И хоть давно уже «Исчезли солнечные дни», а «Старинные часы» вот-вот пробьют 70 ударов, Маэстро говорит: «Еще не вечер». «Бабушка рядышком с дедушкой». Вот только внушки далеко — с юбилеем любимого деда они поздравят по телефону. Наберем рижский номер Раймонда Паулса и мы.

Маэстро столкучки

теми, кто носил длинные волосы. Но мы все равно играли, пели, выступали, писали. Хорошие фильмы, между прочим, снимали...
— В том числе и на Рижской киностудии.
— Да. Раньше в Латвии все ругали эти фильмы, а прошло какое-то время, и сейчас у нас опять часто их показывают. И пожилые люди смотрят, и молодежь, которая вообще ни черта этого не видела.
— После таких слов даже не знаю, как к вам обращаться: господин Паулс или товарищ Паулс?
— Лучше всего просто Раймонд. Господин, товарищ... Я, конечно, уважаю эту русскую традицию называть друг друга по отчеству, но сейчас так быстро время бежит — надо говорить покороче.

С Андреем Мироновым.

Раймонд Паулс:
«Ругаюсь только по-русски»

Музыкальный интернационал: Яак Иоала (Эстония), Алла Пугачева (Россия), Раймонд Паулс (Латвия).

— Но к слову «господин» вы долго привыкали?
— Но я и к обращению «товарищ» не особенно привык. Какой-то человек сделал мне много неприятностей, а я должен говорить ему «товарищ»? Хотя и этот «господин» мне нелегко дался. Американцы в этом плане, наверное, правы — сразу по имени называют, даже президента.
— Я могу сказать, что мне больше всего не нравилось в Союзе. Вот что такое было «невезучей товарищ»? Я-то отлично знаю. Ничего криминального не делал — в консерватории что-то там ляпнул, и на мне поставили такой жирный штамп: что, мол, ты невезучий. А вообще, честно сказать, мы сами создали этот миф о границе. Что самое ценное было? Попасть за границу. Хорошие музыканты пристраивались к самостоятельности, чтобы как-нибудь пробраться хоть в ГДР. Зачем нам это надо было? Зачем в такой великой стране создавать этот миф? Конечно, надо было ехать. Но не за шмотками, а учиться. Думаю, никто бы из нас не сбежал. Вот это, пожалуй, самое неприятное из того, что было.
— А из того, что есть?
— Ну, у нас примерно те же процессы, что и в России. Мы с женой часто смотрим передачу Соловьева «К барьеру!» — видим, какие у вас высказываются противоположные мысли, взгляды. Я знаю, что и в России, и в Латвии люди недовольны этими реформами, которые идут очень медленно. Но сейчас хотя бы колоссальный плюс, что об этом можно открыто говорить.
— А вас не покорили марши фашистов в Риге?
— Вы знаете, я на это смотрю немножко по-другому. Конечно, все это надо было, открыто говоря, запретить — фашизм во всем мире под запретом. Но у нас выходят легионеры, старики. А у вас, я извиняюсь, выходят молодые. И как на это смотреть? Вот где угодно, в любой другой стране, но только не в России. Очень неприятный момент, очень опасно... Ой, с этой политикой лучше вообще не связываться.
— И это говорит человек, который еще 6 лет назад баллотировался на пост президента.
— Я никогда не думал становиться президентом. Знал, что по своему характеру и по отношению ко многим вопросам не гожеус на этот пост. Просто вынужден был — организация меня выдвинула. Хорошо еще, вовремя понял, что это не для меня.
— Политика грязное дело?
— Это мой отец так мне говорил. Но смотрите: если я хочу что-то сделать или кому-то помочь, без политической поддержки я ничего не смогу. Когда делят бюджет, я могу слово сказать, что, например, нужно прибавить театрам... Для России это вообще не деньги, а для наших театров, которые живут на дотации, сто или двести тысяч — огромная сумма... Правда, с годами я все чаще стал думать, что, наверное, зря ввязался в это дело. Все равно вся эта политика будет, и парламенты будут, и эти партии. Одни уйдут, другие придут. И что толку их ругать? Надо умолять бога, чтобы в политику пришло побольше умных людей. Не карьеристов, а тех, кто все-таки больше думает о своей стране... Но это только красивые фразы, а реальная жизнь очень тяжела.
— Нелегко вам. Может, еще и поэтому к Паулсу-политику в Латвии, насколько я знаю, отношение совсем не однозначное.
— Когда на сцену выхожу, ко мне люди относятся, открыто говоря, с большим уважением. В России — тем более...
— Такое впечатление, что в России вас любят даже больше, чем в Латвии.

— Возможно. А когда я выхожу как депутат, отношение меняется моментально. Знаете, как у нас в народе парламент называют? «Сто глупцов». Во всем, говорят, виноваты те, кто там сидит. Но я слышу, у вас точно такие же разговоры. Посмотрите: все пародии на кого? На депутатов. Эх, сами выбирают, сами высмеивают... Но нормальные люди видят, как я работаю и что я делаю. Может быть, я для этой Латвии сделал больше, чем многие политики, вместе взятые.
— Для человека, который привык к цветам и овам, такая метаморфоза не из приятных.
— А что поделать. Если сегодня почитать нашу «желтую» прессу, такие вещи про себя можно узнать! В советской системе о таком даже думать не могли. А сейчас — пожалуйста: кто спит с кем, кто разошелся.
— И про вас тоже сплетни распускают?
— А-а, конечно. Последняя — что квартиру незаконно получил. Что-то всегда находят. При этом великолепно знают, что мы ничего против этого не можем сделать. Что я, начну с ними судиться? Проиграю.
— Но Латвия сейчас вошла в ЕС, стала частью Европы. Где закон превыше всего.
— Вы так думаете? Я думаю, что от этих судов лучше держаться подальше. Каким бы он ни был. Все равно оставят без гроша в кармане. А насчет Европы сейчас всех волнует, что какие-то деньги мы получим. Самое главное, чтобы эти деньги дошли до цели, они же все время пропадают куда-то.
— И у вас тоже?
— Конечно. Мы создали самую могучую систему бюрократии. Но... Я же говорю: какой смысл ругать. Всем надо заниматься своим делом, а мое дело — музыка.
— Российские исполнители еще обращаются к вам за новыми хитами?
— Всегда кто-то спрашивает. Хотя чаще всего они роются в старых моих песнях.
— Да уж, есть где порыться.
— Да, но теперь я почти не пишу. Чувствую: что бы я сегодня ни сделал, мне скажут: ну знаешь, в 80-е годы песни были лучше. Очевидно, так оно и есть. Так что в основном я сейчас играю. Может быть, не ту музыку, не то, что нужно сейчас. Но у меня, даст бог, есть это преимущество, что я могу заниматься тем, чем хочу. Я не из той «Фабрики», которую, как вы говорите, сделали на месяц, а сейчас ее никто и не помнит. Я хоть и не звезда, но пока держусь. Конечно, не так, как раньше, когда были эти очень приятные периоды и с Аллой, и с Валерием. В 80-е годы мы честно добились какого-то успеха. Без денег, без блата. Просто играли и пели как могли. Но... Сейчас совсем другие времена.
— Пугачева — пик вашей карьеры?
— Наверное. Может, поэтому, даже сейчас, несмотря на то, что вокруг нее вся эта шумиха, для меня она прежде всего — очень хорошая артистка, певица. Остальные вопросы меня не интересуют.
— Почему же тогда вы уже несколько лет с ней не общаетесь?
— Ну как не общаемся?.. Раньше часто встречались и на «Песнях года», и на концертах. Сейчас, конечно, у меня своя жизнь, а у нее своя: свои проблемы, свои дела. Но нам нечего делить, мы остались в нормальных отношениях. В прошлом году, например, в Юрмале виделись...
— Виделись или разговаривали?
— Немножко разговаривали. Просто дело в том, что и у нее работа, и у меня работа...
— Вы извините, Раймонд, просто те песни в России до сих пор любимы, поэтому для нас вы неразрывно связаны друг с другом.
— Я понимаю. Понял еще тогда, когда первый

раз мы отсняли этот несчастный «Маэстро» на телевидении. Мы были в центре внимания, потому что я, оказывается, смотрел на нее какими-то влюбленными глазами. Ну люди там придумывали что хотели. Просто у нас удался приличный номер, и все на этом. Конечно, в Москве мы много веселились, и были очень приятные вечера у нее дома. Я помню, еще Кристина пешком под стол ходила, а за столом Илья Резник задавал тон, он очень остроумный человек. Да, веселая компания у нас была. И даже несмотря на то, что, может быть, у нас сейчас нет отношений очень дружеских, я все равно считаю ее своим другом.
— Однако ж на «Песню года» Пугачева вас не позвала.
— Думаю, я ей там не нужен был. Сейчас другие критерии, другие дела...
— Вы ведь в курсе, какой сыр-бор у нас разгорелся из-за этой «Песни»?
— Да. Но я так воспитан, что в эти дела лучше вмешиваться не буду. Слава богу, сегодня я далек от этого. Так что, извините, комментировать не стану. У нас ведь как: скажешь что-то про того или другого, сразу займешь врагов.
— Выходит, мир искусства немногим чище политики?
— Правильно. И в любой опере, и в любом театре — везде идет страшная внутренняя борьба, ненависть, зависть...
— Тем не менее вы производите впечатление человека уравновешенного, спокойного. Что это, обман зрения?
— А что мне другого делать? Зачем мне это нужно? Если бы моя карьера зависела от того, покажут меня на «Песне года» или нет, очевидно, я действовал бы по-другому. В моей жизни эта «Песня» уже ничего изменить не может. К тому же и возраст такой, что, вероятно, не стоит там показываться. Вот если я какой-то хороший номер сделаю с певицей молодой... ну или старой, тогда и пригласят.
— Ваша супруга — русская, дочь живет в Москве. Может, вам с женой перебраться поближе к дочке? Уверен, в России были бы только рады.
— Ай, спасибо, не надо. Можете мне предложить любую страну, любую зарплату — никуда не поеду. У нас здесь дом, мы живем, открыто говоря, очень нормально — дай бог, чтобы всем такого. Можем позволить себе ехать куда угодно. И что нам еще надо?
— Но, знаю, у вашей супруги были проблемы с получением латвийского гражданства.
— Не проблемы — надо было сдать экзамен. Но она великолепно говорит по-латышски, даже лучше меня — за пять минут все сдала.
— Значит, дома вы на латышском разговариваете?
— Обычно по-латышски. Но когда тон повышается, надо сказать что-то более конкретное и острое, появляется русский язык. Потому что он богатый очень. Есть слова, которые незамысловатые.
— Неужели и мат имеется в вашем лексиконе?
— Да-да, знаю, я же музыкант. Можно выразиться очень интересно, надо только понимать, где и когда можно употреблять. Если каждое второе слово будет заканчиваться матом, это страшно.
— Вы по-прежнему несколько часов в день отдаете музицированию?
— Ну, может быть, чуть меньше, чем раньше. Просто физически не выдерживаю — если долго сижу за роялем, меня уже ко сну клонит.
— Но, по-моему, у вас всегда была такая манера игры — черно-белые клавиши настолько вас притягивали, что, казалось, вот-вот вы уснете.
— Да, некоторые думали, что я пьяный. Но я не пью уже больше сорока лет. Совсем. Когда понял, что алкоголь становится для меня большой проблемой.
— Но, говорят, бывших алкоголиков не бывает.
— Ой, на эту тему можно много разговаривать. Я только всем советую пить поменьше.
— Что же, и в Новый год даже шампанского не пригубили?
— Нет, нет. В праздники у меня в стакане всегда минеральная или сок.
— Как в вашей песне: «И за них мы пьем... парное молоко». Но когда же мы поднимем бокал, хоть бы даже с минералкой, за вашу новую песню?
— Не знаю. Это очень тяжело сейчас. Когда слушаю из Москвы некоторые концерты, даже не знаю, что надо писать, чтобы туда попасть. Чувствую себя каким-то динозавром. Который уцелел лишь чудом.
Дмитрий МЕЛЬМАН.